

Ганс Христиан Андерсен
ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

Чарльз Диккенс
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ В ПРОЗЕ

Эрнст Теодор Амадей Гофман
ЩЕЛКУНЧИК И МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ

Николай Гоголь
НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Николай Лесков
ЖЕМЧУЖНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ
НЕРАЗМЕННЫЙ РУБЛЬ
ПРИВИДЕНИЯ В ИНЖЕНЕРНОМ ЗАМКЕ

Федор Достоевский
МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ

Антон Чехов
МАЛЬЧИКИ
НА СВЯТКАХ
СТРАШНАЯ НОЧЬ
НОЧЬ НА КЛАДБИЩЕ

Александр Куприн
ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР

Максим Горький
ИЗВОЗЧИК

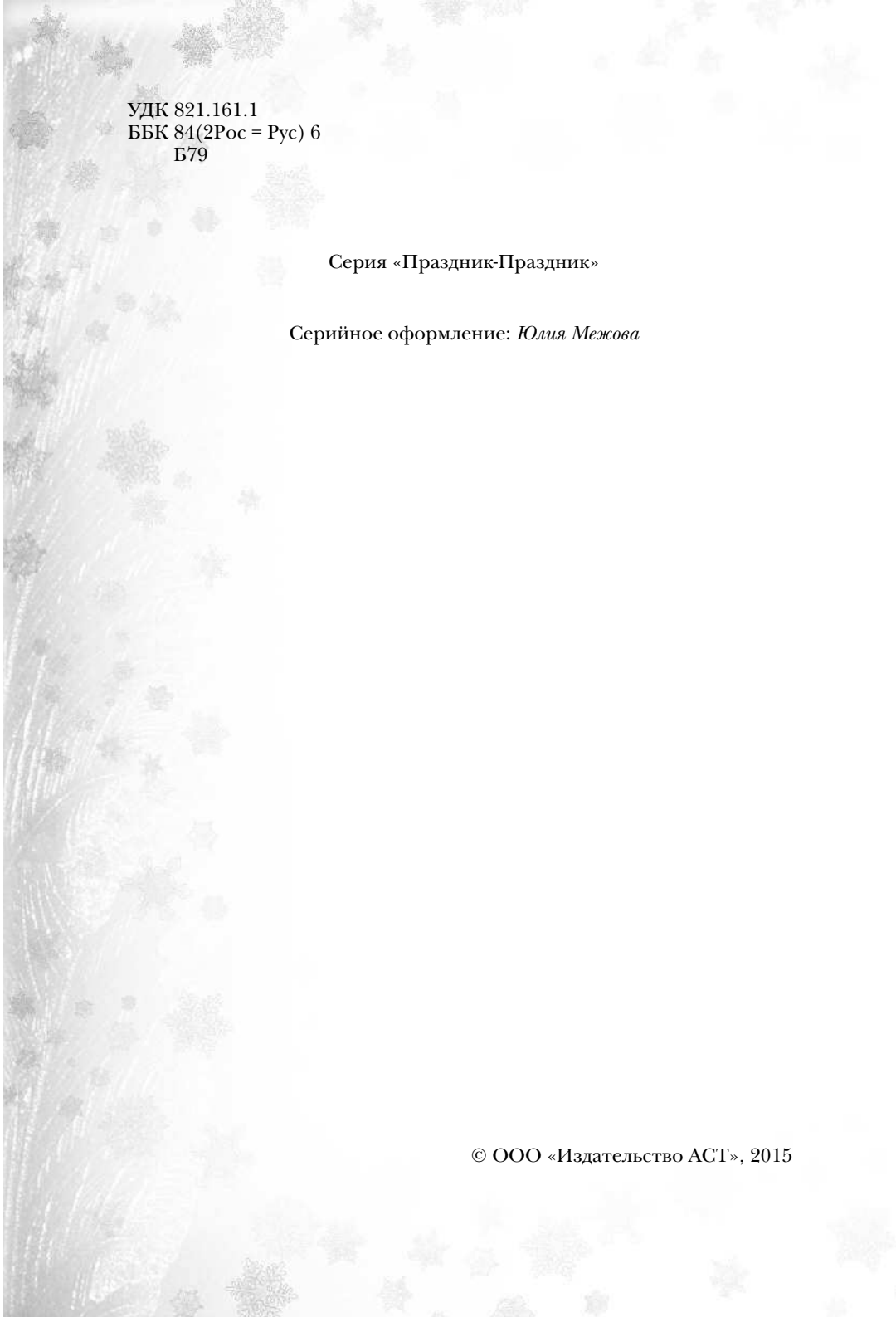
Михаил Зощенко
ЛЕЛЯ И МИНЬКА

Большая Новогодняя книга

15 историй
про Новый год
и Рождество

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус) 6
Б79

Серия «Праздник-Праздник»

Серийное оформление: *Юлия Межова*

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Зарубежная классика

Ганс Христиан
Андерсен

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

Перевод Анны и Петра Ганзен

Морозило, шел снег, на улице становилось все темнее и темнее. Это было как раз в вечер под Новый год. В этот-то холод и тьму по улицам пробиралась бедная девочка с непокрытой головой и босая. Она, правда, вышла из дома в туфлях, но куда они годились! Огромные-преогромные! Последнюю их носила мать девочки, и они слетели у малютки с ног, когда она перебегала через улицу, испугавшись двух мчавшихся мимо карет. Одной туфли она так и не нашла, другую же подхватил какой-то мальчишка и убежал с ней, говоря, что из нее выйдет отличная колыбель для его детей, когда они у него будут.

И вот девочка побрела дальше босая; ножонки ее совсем покраснели и посинели от холода. В стареньком передничке у нее лежало несколько пачек серных спичек; одну пачку она держала в руке. За целый день никто не купил у нее ни спички — она не выручила ни гроша. Голодная, иззябшая, шла она все дальше, дальше... Жалко было и взглянуть на бедняжку! Снежные хлопья падали на ее прекрасные, вьющиеся белокурые волосы, но она и не думала об этой красоте. Во всех окнах светились огоньки, по улицам пахло жареными гусями: был канун Нового года — вот об этом она думала.

Наконец она уселась в уголке, за выступом одного дома, съежилась и поджала под себя ножки, чтобы хоть немножко

согреться. Но нет, стало еще холоднее, а домой она вернуться не смела, ведь она не продала ни одной спички, не выручила ни гроша — отец прибьет ее! Да и не теплее у них дома! Только что крыша над головой, а ветер так и гуляет по всему жилью, несмотря на то что все щели и дыры тщательно заткнуты соломой и тряпками. Ручонки ее совсем окоченели. Ах! Одна крошечная спичка могла бы согреть ее! Если бы только она смела взять из пачки хоть одну, чиркнуть ею о стену и погреть пальчики! Наконец она вытащила одну. Чирк! Как она зашипела и загорелась! Пламя было такое теплое, ясное, и, когда девочка прикрыла его от ветра горсточкой, ей показалось, что перед нею горит свечка. Странная это была свечка: девочке чудилось, будто она сидит перед большою железною печкой с блестящими медными ножками и дверцами. Как славно пылал в ней огонь, как тепло стало малютке! Она вытянула было и ножки, но... огонь погас. Печка исчезла, в руках девочки остался лишь обгорелый конец спички.

Вот она чиркнула другою; спичка загорелась, пламя ее упало прямо на стену, и стена стала вдруг прозрачною, как кисейная. Девочка увидела всю комнату, накрытый белоснежною скатертью и уставленный дорогим фарфором стол, а на нем жареного гуся, начиненного черносливом и яблоками. Что за запах шел от него! Лучше же всего было то, что гусь вдруг спрыгнул со стола и, как был с вилок и ножом в спине, так и побежал вперевалку прямо к девочке. Тут спичка погасла, и перед девочкой опять стояла одна толстая холодная стена.

Она зажгла еще спичку и очутилась под великолепнейшею елкой, куда больше и наряднее, чем та, которую девочка видела в сочельник, заглянув в окошко дома одного богатого купца. Елка горела тысячами огоньков, а из зелени ветвей выглядывали на девочку пестрые картинки, какие она видывала раньше в окнах магазинов. Малютка протянула к елке обе ручонки, но спичка потухла, огоньки стали подниматься все выше и выше и превратились в ясные звездочки; одна из них вдруг покатилась по небу, оставляя за собою длинный огненный след.

— Вот кто-то умирает! — сказала малютка.

Покойная бабушка, единственное любившее ее существо в мире, говорила ей: «Падает звездочка — чья-нибудь душа идет к Богу».

Девочка чиркнула об стену новою спичкой; яркий свет озарил пространство, и перед малюткой стояла вся окруженная сиянием, такая ясная, блестящая и в то же время такая кроткая и ласковая, ее бабушка.

— Бабушка! — вскричала малютка. — Возьми меня с собой! Я знаю, что ты уйдешь, как только погаснет спичка, уйдешь, как теплая печка, чудесный жареный гусь и большая, славная елка!

И она поспешно чиркнула всем остатком спичек, которые были у нее в руках, — так ей хотелось удержать бабушку. И спички вспыхнули таким ярким пламенем, что стало светлее, чем днем. Никогда еще бабушка не была такою красивою, такою величественною! Она взяла девочку на руки, и они полетели вместе в сиянии и в блеске высоко-высоко, туда, где нет ни холода, ни голода, ни страха: к Богу!

В холодный утренний час в углу за домом по-прежнему сидела девочка с розовыми щечками и улыбкой на устах, но мертвая. Она замерзла в последний вечер старого года; новогоднее солнце осветило маленький труп. Девочка сидела со спичками; одна пачка почти совсем обгорела.

— Она хотела погреться, бедняжка! — говорили люди. Но никто и не знал, что она видела, в каком блеске вознеслась вместе с бабушкой к новогодним радостям на небо!

Чарльз
Диккенс

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ В ПРОЗЕ

Перевод с английского Николая Пушешникова

Строфа I. Дух Марли

Начнем с того, что Марли умер. В этом нет ни малейшего сомнения. Акт о его погребении был подписан пастором, причетником, гробовщиком и распорядителем похорон. Сам Скрудж подписал этот акт. А имя Скруджа служило ручательством на бирже за все, к чему бы он ни приложил руку...

Итак, старик Марли был мертв, как дверной гвоздь.

Заметьте — я не хочу сказать, будто я самолично убедился, что есть нечто особенно мертвое в дверном гвозде. Я-то склонен считать самой мертвой вещью из всех железных изделий скорее гробовой гвоздь. Но в сравнениях — мудрость отцов наших, и ради спокойствия отечества не подобает мне недостойными руками касаться их.

Позвольте же поэтому еще настойчивее повторить, что Марли был мертв именно как дверной гвоздь.

Знал ли Скрудж об этом? Разумеется, знал. Да и могло ли быть иначе? Скрудж и Марли были компаньонами в продолжение я не знаю скольких лет. Скрудж был его единственным душеприказчиком, единственным распорядителем, единственным преемником, единственным наследником, единственным другом, единственным поминальщиком, и однако Скрудж был вовсе не так ужасно поражен этим печальным событием, чтобы не остаться даже в самый день

похорон истым дельцом и не ознаменовать его одной несомненно хорошей сделкой.

Но упоминание о похоронах Марли заставляет меня вернуться к тому, с чего я начал. Нет ни малейшего сомнения, что Марли умер. И этого никак нельзя забывать, иначе не будет ничего удивительного в истории, которую я намереваюсь рассказать. Ведь если бы мы не были твердо убеждены в том, что отец Гамлета умер до начала представления, то и его скитания по ночам, при восточном ветре, вдоль стен его же собственного замка были бы ничуть не замечательнее поступка любого господина средних лет, ночью вышедшего прогуляться куда-нибудь — ну, скажем, на кладбище св. Павла,— только затем, чтобы поразить своего слабоумного сына.

Скрудж не стер с вывески имя старика Марли: оно и после смерти его еще долго красовалось над дверью конторы: «Скрудж и Марли». Новички звали Скруджа иногда Скруджем, а иногда и Марли, и он отзывался и на то и на другое имя. О, это было совершенно безразлично для него — для этого старого грешника и скряги, для этой жилы и паука, для этих завидующих глаз и загребущих рук! Твердый и острый, как кремь, из которого никакая сталь не выбивала никогда ни единой благородной искры, он был скрытен, сдержан и замкнут в самом себе, как устрица в своей раковине. Внутренний холод оледенил его поблекшие черты, заострил его нос, покрыл морщинами щеки, сделал походку мертвенной, глаза красными, тонкие губы синими и резко сказывался в его скрипучем голосе. Точно заиндевели его голова, его брови, его колючий подбородок. Он вносил с собою этот холод повсюду; холодом дышала его контора — и такой же была она и в рождественские дни.

Окружающее мало влияло на Скруджа. Не согревало его лето, не знобила зима. Никакой ветер не был так лют, никакой дождь не был так упорен, как он, никакой дождь не шел так упрямо, как шел Скрудж к своей цели, никакая адская погода не могла сломить его. Ливень, вьюга, град, крупа имели только одно преимущество перед ним. Они часто бывали щедры, Скрудж — никогда. Никогда и никто не останавливал

его на улице радостным восклицанием: «Как поживаете, дорогой мой! Когда же вы заглянете ко мне?» Ни один нищий не осмеливался протянуть к нему руки, ни один ребенок не решался спросить у него который час, ни единая душа не осведомилась у него ни разу за всю его жизнь, как пройти на ту или другую улицу. Даже собаки слепцов, казалось, раскусили Скруджа и, завидя его, тащили своих хозяев под ворота и во дворы, виляли хвостами и как будто хотели сказать: «Лучше вовсе не иметь глаз, хозяин, чем иметь такие глаза».

Но какое дело было до этого Скруджу? Это-то ему и нравилось. Пробраться по тесной жизненной тропе, пренебрегая всяким человеческим чувством, — вот что, по словам людей знающих, было целью Скруджа.

Однажды — в один из лучших дней в году, в сочельник, — старый Скрудж работал в своей конторе. Стояла ледяная, туманная погода, и он слышал, как снаружи люди, отдуваясь, бегали взад и вперед, колотили себя руками и топали, стараясь согреться.

На городской башне только что пробило три часа, но было уже совсем темно: с самого утра стояли сумерки, и в окнах соседних контор красноватыми пятнами мерцали сквозь бурю мглу свечи. Туман проникал в каждую щель, в каждую замочную скважину и был так густ, что противоположные дома казались призраками, хотя двор был очень узок. Глядя на это грязное облако, опускавшееся все ниже и все омрачавшее, можно было подумать, что природа на глазах у всех затевает что-то страшное, огромное.

Дверь своей комнаты Скрудж не затворял, чтобы иметь возможность постоянно наблюдать за своим помощником, переписывавшим письма в маленькой, угрюмой и сырой каморке рядом. Невелик был огонек в камине Скруджа, а у писца он был и того меньше: подкинуть угля нельзя было — Скрудж держал угольный ящик в своей комнате. Как только писец брался за лопатку, Скрудж останавливал его замечанием, что им, кажется, придется скоро расстаться. И писец закутал шею своим белым шарфом и попытался было согреть-

ся у свечки, в чем, однако, не имея пылкого воображения, потерпел неудачу.

— С праздником, дядя, с радостью! Дай вам Бог всех благ земных! — раздался чей-то веселый голос.

То крикнул племянник Скруджа, так внезапно бросившийся ему на шею, что Скрудж только тут заметил его появление.

— Гм!..— отозвался Скрудж.— Вздор!

Племянник так разгорячился от быстрой ходьбы по морозу и туману, что его красивое лицо пылало, глаза искрились и от дыхания шел пар.

— Это Рождество-то вздор, дядя? — воскликнул он.— Вы, конечно, шутите?

— Нисколько,— сказал Скрудж.— С радостью! Какое ты имеешь право радоваться? Какое основание?

— Но тогда,— весело возразил племянник,— какое право имеете вы быть печальным? Какое основание имеете вы быть мрачным? Вы достаточно богаты.

Скрудж, не найдясь что ответить, повторил только: «Гм!.. Вздор!»

— Не сердитесь, дядя! — сказал племянник.

— Как же мне не сердиться,— отозвался дядя,— когда я живу среди таких дураков, как ты? С радостью, с Рождеством! Отстань ты от меня со своим Рождеством! Что такое для тебя Рождество, как не время расплаты по счетам при совершенно пустом кармане, как не день, когда ты вдруг вспомнишь, что постарел еще на год и не сделался богаче ни на йоту, как не срок подвести балансы и найти во всех графах, за все двенадцать месяцев дефицит? Будь моя воля,— продолжал Скрудж с негодованием,— я бы каждого идиота, бегающего с подобными поздравлениями, сварил бы вместе с его рождественским пудингом и воткнул бы в его могилу остролиственный кол! Непременно бы так и сделал!

— Дядя! — возразил племянник.

— Племянник! — перебил его Скрудж строго.— Справляй Рождество по-своему, а мне позволь справлять его как мне хочется.

